ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

СТИХИ

РИФМА 1961

Издательство имени Ирины Яссен

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

СТИХИ

РИФМА 1961

Издательство имени Ирины Яссен

Вот наша жизнь прошла,
А это не пройдет.

Георгий Иванов

Стихи, написанные во время болезни

1

Мне казалось всегда, что писатель
Очень нужен на этой земле,
И что я для Вас, мой читатель,
Как тепло, как еда на столе.

Но какое Вам в сущности дело
До того, что я стать хотела
Другом Вашим, опорой в борьбе,
Утешеньем в горькой судьбе.

Вот пишу я черным по белому,
По щемяще до слез сожалелому,
Без утайки и без прикрас,
Откровенно, как в смертный час —

Обо всем, что я не сумела,
Как горела душа и болела,
Как томилась и как всецело —
Вами, с Вами, о Вас, для Вас.

2

Помурлычь, Королевна-Краля,
Уложив на макушке ушки,
Помурлычь на моей подушке,
Отгони болезнь и печали.

С каждым вздохом глотаю бритву,
Ненавижу Блеза Паскаля
За его дурную молитву
Об использовании болезни.
Что болезни еще бесполезней
И бессмысленнее страданья?

«До свиданья, ночь! До свиданья!»
Как шальные, кричат петухи.

В этот час таинственно-ранний,
В час ненужных воспоминаний
Заклинаю страданье — исчезни!
И чтоб мне простились грехи,
Превращая болезнь в стихи.

3

— Вам надо уехать в Египет —
Вам вреден Париж весной,
Вам это совсем не по силам.

Ах, доктор, старик смешной!
За окнами дождик сыплет
С упрямою косизной.
Как скучно лежать одной...

... А ласточки в теплом Египте
В шуршанье стотысячекрылом,
С мечтою на каждом крыле
На север готовы лететь,
И Нил плодотворным илом
Разлился на целую треть.

— О, любите меня, любите,
Удержите меня на земле,
О, любите меня, любите,
Помешайте мне умереть!

4

Вот палач отрубил мне голову,
И она лежит на земле.
И ни золотом, и ни оловом...
Кончен спор о добре и зле.
И теперь уже, плачь не плачь,
Не пришьет головы палач.

Посмотри, какая красивая,
Косы черные, как смоль,
А была гордячка спесивая,
Презирала бедность и боль.

Только как же... Позволь, позволь...
Если это моя голова,
Как могла я остаться жива!
И откуда черные косы
И глаза лукаво-раскосые?
И какая же я гордячка?

Вьются вихри. Несется конница,
Пол вздымает морская качка,
В лоб стучится, в сознанье ломится
Балаболка — ведьма — бессонница.

— Надоела! Которую ночь...
Убирайся отсюда прочь!

Убирайся. Все это бред —
Уголек, залетевший из ада,
Лепесток из райского сада,
Никакой головы здесь нет.

Никакой головы. Ничего.
Беспощадно метет метелка,
Полнолунным светом звеня,
Выметая в пространство меня.

Дверь распахнута в праздничный зал,
Сколько там позолоты и шелка,
И гостей, и цветов, и зеркал!
В зеркалах отражается елка
Оттого что всегда Рождество —
Вечный праздник на Божьем свете.

В хороводе кружатся дети.
Кто же я? Одна из детей?
Снова детство.
Как скучно...
А если
Я одна из старушек гостей,
Прапрабабушка в шелковом кресле...

— Замолчи, замолчи, балаболка.
Замолчи, не трещи без умолка!
Ты же видишь прекрасно: я — елка.
Я вот эта елка зеленая,
Блеском свечек своих ослепленная.
Как волшебно...
Как больно...
Огонь.

5

Подушка, тетрадь, чернила,
Жасмин и солнце в окне.
Ленора, Сольвейг, Людмила,
Русалка на лунном дне.

... О том, как я жизнь любила,
Как весело было мне.
О том, что моя тоска
Тяжелее морского песка...

6

Я все понимаю и слышу
Не хуже, чем кто другой:
Вот падает снег на крышу,
Бубенчик поет под дугой —

И мчатся узкие санки
Вдоль царственно белой Невы.
... Потом я жила на Званке
В гнезде у вдовой совы.

О том, что было когда-то,
Мне лучше не помнить совсем —
Глазастых собак и солдата
И дочек. Их было семь.

Ах, дочки мои — цветочки
В сияющем райском саду
(... А вдруг они тоже в аду?..)

Довольно! Дошла я до точки
В беспамятстве и бреду
И дальше, нет — не пойду.

Пожалуйста, сердце, не охай
И воздуха не проси —
Пойми, что не так ведь и плохо
С тобой нам в Монморанси.

7

В окнах светится свет аптеки,
Цвет зеленый — надежды цвет,
Мой пушистый зеленый плед.
Закрываю, как ставни, веки.
Может быть это счастье навеки,
А совсем не жар и не бред.

Разбиваются чайки о снасти,
Разбиваются лодки о льды,
Разбиваются души о счастье.
Расцветают крестами сады,
Далеко до зеленой звезды...
Как мне душно.
Дайте воды...

8

Над зеленой высокой осокой скамья,
Как в усадьбе, как в детстве с колоннами дом.
Возвращается ветер на круги своя,
В суету суеты, осторожно, с трудом.

Возвращается ветер кругами назад
На пустыню библейских акрид и цикад,
На гору Арарат, где шумит виноград
Иудейски картаво. На Тигр и Евфрат.

Возвращается ветер, пространством звеня,
На крещенский парад, на родной Петроград,
Возвращается вихрем, кругами огня...

— Ветер, ветер, куда ты уносишь меня?

9

Началось. И теперь опять
Дважды два не четыре, а пять.

По ковру прокатился страх
И с размаха о стенку — трах.
Так, что искры посыпались вдруг
Из моих протянутых рук.

Все вокруг двоится, троится,
В зеркалах отражаются лица,
И не знаю я сколько их,
Этих собственных лиц моих.

На сосну уселась лисица,
Под сосной ворона стоит.
Со щитом. На щите. Нет, щит
На вратах Цареграда прибит.

Как в лесу сиротливо и сиро,
До чего можжевельник сердит!

Бог послал мне кусочек сыра,
Нет, совсем не мне, а вороне,
Злой вороне в железной короне,
Значит ей, а не мне повезло.

Но лишившись царского трона,
Трижды каркнула злая ворона
Пролетающей тройке назло.
Кучер гикнул. Взметнулись кони.
Берегись! Сторонись, посторонний!
Сном и снегом глаза занесло.

Соловьиная трель телефона
Вдруг защелкала звонко:
— Алло... —

Сразу все в порядок пришло.
Из прозрачно-зеркального лона
Нереальность скользнула на дно,
Там где рифмы коралловый риф,
Там где ритмов отлив и прилив,
Там где ей и лежать суждено.

Легкий месяц сияет в эфире,
Уводя облаками на юг.
Лампа светит уютней и шире,
Образуя спасательный круг.

И теперь, как повсюду в мире,
В эмигрантской полуквартире
Дважды два не пять, а четыре.

Значит кончено. Спать пора.
Спите, спите — без снов — до утра.

Дождь шумит по грифельной крыше,
Еле слышно скребутся мыши
Там внизу этажом пониже —
Очень много мышей в Париже...

Снова полночь. Снова бессонница,
Снова смотрит в мое окно
(За которым дождь и темно)
Ледяная потусторонница.

Как мне грустно... Как весело мне!
Я левкоем цвету на окне,
Я стекаю дождем по стеклу,
Колыхаюсь тенью в углу,
Легким дымом моей папиросы
Отвечаю на ваши вопросы —
Те, что вы задаете во сне.

В этом мире, слезами воспетом,
С каждым зверем и каждым предметом
Ощущаю я братство-сестричество,
Неразрывное с миром родство.
    Но не знаю сама отчего,
    Хоть и странно сознаться мне в этом,
    Мне роднее всего электричество.

Я одна по аллее иду
В черном, пышном приморском саду.
Искрометно, как смех истерический,
Рассыпается свет электрический,
Лиловея, как роза на льду.
    Нет, пожалуй еще лиловей,
    Как над розой поет соловей
    Исступленно, в небесном аду.

Средь меланхолических ветвей
Серебристо плещущей ольхи
Вдохновенно, в совершенстве диком
Трелями исходит соловей
Над шафранною китайской розой.
Восхищаясь собственною позой,
Тень играет дискобольным бликом,
И роса на бархатные мхи
Капает жемчужинами слез.

Розы, розы.... Слишком много роз,
Слишком много красоты-печали.
Было слово (было ли?) вначале,
Слово без словесной шелухи.

Светляками, крыльями стрекоз
Над кустами розовых азалий
За вопросом кружится вопрос
Ядовитее, чем купорос:
Можно ли еще писать стихи.
Можно ли еще писать стихи
Всерьез?..

На заре вернувшись с бала
Я усталая легла.
В звездной пене, в лунных стружках,
Застилая зеркала,
Легкий сон на одеяло
Наплывает из угла.

От усталости в подушках
Догорая вся дотла —
До чего же я устала,
До чего я весела!

Если б жизнь начать с начала
Я такой бы не была:
Никому бы я не стала
Делать ни добра, ни зла.

А была бы я лягушкой,
Квакающей у пруда
(Стынет темная вода,
Высоко блестит звезда).

Или в крапинку кукушкой,
Что усевшись на суку
День-деньской твердит ку-ку
В средних числах сентября,
Не пророча, а для смеху,
Рыжим листьям на потеху.

Но средь звезд и снов скользя
Ясно вижу — стать нельзя
Ни лягушкой, ни кукушкой.
Что ж? Согласна я — изволь —
Взять себе другую роль:
Стать простушкою-пастушкой,
На которой хоть и зря
В сказке женится король.

Дни считать напрасный труд.
    Дни бегут,
Часы летят,
    Превращаются в года.

В тихий сад на сонный пруд
Принесли топить котят.
Глубока в пруду вода,
Хоть котята не хотят,
Как уж не утонешь тут?

И кошачая беда,
Намяукавшись в эфире,
В милосердном этом мире
Исчезает без следа.

Разве что блеснет звезда
Светляком, скользотой льда,
Острым лезвием секиры
    Над безмолвием пруда.

Мне ж до Страшного Суда
(Если будет Страшный Суд)
Погрешить еще дадут.

Сорок градусов в тени.
Душно каждому цветочку,
Дурно каждому листочку.
Только комары одни
Да трескучие цикады
Этакой жарище рады.

Оборвать? Поставить точку,
Потушить навек огни?

Нет, поставлю многоточье...
Будут и другие дни
И прохладней и короче,
Будут и другие ночи.
Ну, и прочее и прочее —
Все переживу воочию.

Мне дышать не надоело,
Хоть «печален наш удел».
Жизнь приятнейшее дело
Изо всех приятных дел.

Я во сне и наяву
С наслаждением живу.

Гладью вышитый платок,
Мной подаренный не мне,
Мной забытый на окне,
Мной потерянный во сне.

Хореический прыжок
В нереальность повседневности,
Слез соленый кипяток
Между строф и между строк.
От влюбленности? Из ревности?

В небе звезды и гроза,
Небо как его глаза.

Беззаконие закона,
Произвола благодать.
Не понять, не разгадать —
Осудить иль оправдать?

Слишком тяжела корона
Для курчавой головы.
Окна настежь. Крик совы.

Призрачно сияют свечи,
Отражаясь в зеркалах,
Как на Волге, как в Венеции,
И с трапеции-балкона
Без приветствия-поклона
В спальню тихо входит страх.

— Дездемона, Дездемона,
Прелести живой цветок,
Где твой вышитый платок?

Отблеск лунного опала.
Обручальное кольцо
Падает на покрывало.
Как прозрачно, как устало,
До чего невинным стало
В мертвой прелести лицо.

Все, что сердцу было мило,
Все, что здесь оно любило,
Все, о чем оно просило,
Все, чем мучилось оно,
Так недавно — так давно,
Камнем кануло на дно.

— Хорошо ли, Дездемона,
Между звезд и молний спать
Хрупкогорлой и влюбленной,
С ним навеки разделенной?
Даже в сновиденьях врозь?

И тебе ли иль Офелии
В грозно-громовом веселии
Звездометной карусели
Выпало кометой стать?

Если б сердце не болело,
Не металось вкривь и вкось,
О себе и об Отелло
Позабыть бы удалось.
Как она про иву пела
И рукою влажной, белой...

Обе плакали и пели —
Дездемона и Офелия —
Перед тем как умереть
От любовного похмелия.

Нет, довольно. Хватит. Брось!
Ничего мне здесь не мило,
Ни о чем я не просила,
Ничего я не любила,
Кроме лунных ожерелий
Да цыганского безделья
И подснежников апреля.

Обо мне не надо петь,
Не за что меня жалеть.

Роману Гулю

— За верность. За безумье тост.
За мщенье... Пенных кубков звон.
Какой сквозной тревожный сон:
Узорчатые рукава,
«Дочь пекаря, сова...
Слова, слова, слова...»

Белеет мост. Блестит погост,
О вихри вздохов, волны слез!
Известно все заранее:
Средь звезд
И роз
Апофеоз
Непонимания.

Высокий королевский дом
В туманной Дании.
И королева с королем
И принц на первом плане.
Прожечь вином,
Залить огнем,
Пронзить рапиры острием —
Ни хмеля, ни похмелья.
Цветы на память, на потом,
Цветы на новоселье.
Как тихо спит на дне речном,
В русалочьей постели,
Как сладко спит бессмертным сном
Офелия.

Это молоточек память,
Искромечущее пламя,
Звездноплещущее знамя
В суматохе голубой,
Волн ликующий прибой,
Струн гитарный перебой,
Разговор сама с собой,

То, что скользкой льдинкой тает,
То, о чем сосед не знает,
То, чем пенится корыто,
То, о чем стучат копыта
По торцовой мостовой
В Петрограде, над Невой,
То, что пляшет шито-крыто
Пляскою святого Витта
В подсознании, на дне,
Что потеряно во сне,
То, что белой ниткой сшито,
То, что шито красным шелком,
То, что рыщет серым волком,
Крысою по книжным полкам,
То, о чем не скажешь толком,
То, чего не объяснить,
То, на чем порвется нить
Жизни.
И стихов.

Не во мне, а там вовне,
В сердце ночи, в глубине,
Как на плоском дне колодца
Светлодумная луна.
Колкий луч спиралью вьется,
Скользкою эмалью льется,
Образуя на стене
Искрометного уродца.

В сердце ночи, у окна,
Где стихи и тишина,
Безысходно, точно встарь,
Мутностеклый, длинный-длинный
Блоковский горит фонарь.
И в его бессмертном свете,
В зеркалах и на паркете
Рябь отчаянья видна.

— Друг мой, незнакомый друг,
На одной со мной планете...
Очень мне «и ску и гру»,
Не с кем мне вести игру,
Без ухаба, без ушиба,
Без цыганского загиба.
Некому: пожатье рук,
Некому: — За все спасибо.

— Здравствуй, здравствуй! — поутру.
Вечером: — Спокойной ночи.
Спи закрывши глазы-очи,
Спи до завтрашнего дня...
Иль точнее и короче —
Нет в лазури одиноче,
Белопарусней меня!

Ночь в вагоне

У окна качается пальто,
Как повешенный.
Не о том. Совсем не то.
Вместо имени — местоимение.
Он. Оно. Растерянность, смятение
С болью-солью смешаны.

Дребезжанье, лязг и треск.
За окном рога оленьи,
Между рог оленьих крест
Светится торжественно-неярко,
Как ляпис-лазурная лампадка.

До чего вагонно гадко,
До чего вагонно жарко.
Не забыть — в Вероне пересадка.

На одной руке перчатка,
А другая где?
        Потеряна.

Все вперед бессмысленно-расчислено,
По квадратикам размерено.
Прямо под откос —
        К беде.
Не уснуть бы, не проспать,
Ведь в Вероне...

Треск колес
И вот опять
Крест мелькает на лесной опушке.

Надоедливый вопрос:
Есть ли у кукушки ушки,
Больно ль ей на каменной подушке
В перегаре папирос?
А вороне?

Надо помнить, что в Вероне
Пересадка. Затекли колени.
Лязг и звон.
Прыжок олений
Под ритмический уклон
В железнодорожный сон.

Если бы суметь спасти
И другого и себя,
Если бы суметь уйти,
Не волнуясь, не любя,
Без предчувствий, без воспоминаний,
Как идут на первое свиданье
В празднично расцветший сад.

Лунный луч завила повилика,
В лунатичности серебряного блика
Воскресает призрачно и дико
Прошлое на новый лад.

— Не оглядывайся, Эвридика,
На тобой пройденный ад.
Не оглядывайся. Не огляд...
Провались поглубже, Эвридика,
В белый беспредметный сон,
В звон, скользящий под уклон.

Ты проснешься впотьмах,
Ты проснешься в слезах,
Ты проснешься в тоске
С красной розой в руке,
На железнодорожном диване —
Ни надежд, ни воспоминаний,
Ни прощально-приветных огней.

Лай собак, бегущих за оленем,
Все заливчатее, все нежней,
Все волшебней в воздухе весеннем,
Все прозрачнее, все розовей,
Словно трелями исходит соловей
Или фавн играет на свирели,
Нет, на флейте.

И летят часы, летят недели
Молньеносно, как с горы летели
        Сани
В русский лунно-голубой сугроб...

... Это там. А это тут
На заумно-умном плане,
На воздушном океане.

Херувимы, лейте, лейте,
Исполняйте светлый труд,
Лейте ужас с райских облаков
В розами завитый гроб.
Лейте, проливайте мимо,
Лейте, лейте, херувимы,
Как на розы Хиросимы
Райский ужас между слов.

Ты говорил: — На вечную разлуку. —
Мою бесчувственную руку
В последний, предпоследний раз...
Слеза из засиявших глаз,
Как синтетический алмаз.
Твоя слеза,
Моя слеза.
Какие у тебя глаза?
Такие же, как были?
Ты все такой же милый?
Не знаю.
Если ты теперь
Тихонько постучишься в дверь —
Узнаю? Не узнаю?
В преображении потерь
Ты стал горбатый, лысый,
Ты стал хвостатой крысой,
Ты стал крапивой иль грибом.
А прядка над высоким лбом?
А складка на высоком лбу?

Но ты давным-давно в гробу
На солнечном погосте —
И ты не ходишь в гости.

О жизни, что прошла давно,
Бесследно канула на дно,
Не надо громко
Говорить,
Не надо ломко
Время лить,
И продолжать соломкой пить
Случайность, что зовут судьбой,
Ту, что связала нас с тобой.
Моя судьба,
Твоя судьба,
В пустыне неба голубой.
О Господи, я так тиха,
Я так слаба,
Что до греха
Недалеко.
Я так изменчиво-нежна
(Нежней, чем нежная весна,
Изменчивее, чем волна).
О Господи, я так честна,
Что, веря в грех,
Грешу легко.
Я, может быть, грешнее всех.

Но осуждающую фразу
По ветру рассыпает смех:
— Неправда. Нет,
За столько лет
Не согрешила я ни разу.
Все вздор и бред.

Был лучезарным мой позор
    И осиянным,
Победно-пламенный костер,
Шелками вышитый узор
    Над океаном.

В конце концов
    На разговор
    Двух мертвецов
    Поставим точку.

А нашу дочку,
Дочку нашу,
Цветок-Наташу,
Подарим мы
Снегам зимы.

Владимиру Маркову

Отравлен воздух, горек хлеб —
Мир нереален и нелеп,
Но жизнь все слаще, все нежнее.
... О Дон-Кихоте, об Альдонце,
Что притворялась Дульцинеей.

Заходит кухонное солнце
На фитиле жестяной лампы.
В кастрюльке булькает картофель.

Ни занавеси нет, ни рампы,
И Хлебникова светлый профиль
В пурпурном ящике-гробу.

Приветствую твою судьбу,
«Земного шара Председатель»,
Приветствую в тебе творца,
Я твой читатель — почитатель-
ница.

Как «дева ветреной воды»,
Забыв озера и пруды,
В себя дыхание забрав,
До локтя закатав рукав,

Я ложкой по столу стучу,
Понять-постичь тебя хочу,
Твои пиррихии, спондеи,
От вдохновенья холодея
Заумный твой язык учу.

... Не до Альдонцы-Дульцинеи.

Ты видишь, как я весело живу
У горлинкой воркующего моря,
Как весело.
О будущем не споря.
Чужие сны я вижу наяву,
Посыпанные едкой солью горя
Чужого, чуждого.

Чудовищны — чужбины,
Эгоцентричные вращения турбины
Пустых сердец,
Сиянье раковин, узоры тины,
Лучистых облаков ликующий венец
И горизонт с афишею рубинной:
Закат. Конец.

В сомнамбулической, подветренной тоске
Тоска. (А может быть, вернее, скука.)
Танцует босоножкой на песке
Пеннорожденная разлучница-разлука,
И кораблекрушения волна
Выносит заумь гибели со дна.

Беда-водоворот. Беда-победа.
За мраморным плечом обломано крыло
Чужого бреда.
Да, как назло
Тебе не повезло.
И все-таки не надо плакать, Леда.
О чем печалиться? О чем, о чем
Под леопардовой расцветкой пледа?

Взгляни — звездой обманной у воды
Блестит кусок слюды —
Звезда песочная, звезда воспоминаний,
Семирамидины сады,
Пласты слезо-серебряной руды
Страданий.

Ложится время дуновеньем пыли
        На праздничные льды
        Заморской были.
Ну, кто же спорит! Жили-были,
То тускловато, то светло,
На свадьбах пировали, ели-пили
И по усам текло.
Но кончилось. Прошло, прошло,
Забвением роскошно поросло.

Все корабли отчалили, отплыли
К пределам огнедышащей земли,
На дно отчаянья навеки отошли.

О, нежностью сводящая с ума
Мимозоструйная весна-зима!
Со дна всплывает лунная ундина
В соленый хрупкий лед девической любви.
— Не прикасайся к сердцу. Не зови
Сомнений песней лебединой.

В самоубийственной крови
Чужих страстей, чужого сна,
Не слушая, не понимая
Чужого маятника маяния,
Я чутко сплю, не достигая
        Двойного дна
        Отчаяния.

Памяти поэта Сергея Полякова

Средиземноморский ад
В стрекотании цикад,
Пальмоносная гора
Гумилевского «Шатра».

Ни былинки ни одной,
Ни веселого цветка,
Концентрированный зной
И такая же тоска.

Броситься бы вниз с горы,
Чтобы сразу — трах и нету!
Вдребезги! В тартарары!
И пойди ищи по свету,
Отчего и почему.

Память вечная ему,
Память вечная поэту.
Так — не доиграв игры —
Вдребезги. В тартарары.
Рассыпаются миры,
Обрываются кометы,
И стреляются поэты —
От тоски. И от жары.

Прожита всего лишь треть
Или даже — меньше трети.
Разве можно умереть
В цвете лет, в прозрачном свете?

Но томленье. Но усталость.
Но презрительная жалость
К современникам. И эти
Складки у тяжелых век.

Черный вечер. Белый ветер,
Веером ложится снег.
Вдоль навек замерзших рек
Рысаков волшебный бег.
В лунно-ледяной карете
Гордая Царица Льдов —
Покровительница вдов
Хрупких, нежных, бессердечных,
Безнадежно безупречных,
Тех, что не дождавшись встречи,
Зажигают в церкви свечи
И бесчувственной рукой
Крестятся за упокой
Всех ушедших слишком рано...

Только как же... Погоди.
Выстрел. Маленькая рана
В левой стороне груди.

Под раскидистою елью,
Под зеленой тенью хвой,
Упоительно шумящих
Над усталой головой...

В абажурно-лунной чаще,
В шепотке страниц шуршащих
Чище звезд и лиры слаще
Луч струится голубой,
Уводящий за собой

В пушкинскую ли Метель,
В гоголевскую ль Шинель —
Попадает прямо в цель
Вдохновенья канитель
Гениальности простой.

Погоди. Постой, постой.
Было нелегко решиться
Умудриться застрелиться
В сквере на Трокадеро.

И когда дано от Бога
Золота и серебра
Очень много, слишком много —
Нет от этого добра.

Тише, тише, помолчи,
Каблучками не стучи,
Воли не давай слезам.
В черной воровской ночи
Все подобраны отмычки,
Все подделаны ключи
К тюрьмам, сейфам и сердцам
И к началам и к концам.

Грохот чичиковской брички,
Возглас: Отворись, Сезам!

Берег Сены. Берег Леты.
«Мы последние поэты».

Золотой Люксембургский сад,
Золотой, золотой листопад,
Силлабически листья шуршат.

Мы идем, и по нашему следу
Удлиняясь тени идут
И таинственную беседу
Шепотком золотистым ведут:

— Я устала по саду метаться,
Я устала на части ломаться,
Становиться длинней и короче...

— Не хочу я с тобой расставаться!
Не расстанусь с тобой никогда.
За твои ненаглядные очи
Все мои непроглядные ночи...
Отвечай, ты согласна? Да?

— У теней нет очей и ночей,
Тень как воздух, как дым, как ручей —
Тень отчаянья, тень свечей...
Я устала быть тенью ничьей.
Ах, устала, устала я очень,
Этот мир так порочно-непрочен.

Золотой, золотой листопад,
Силлабически листья шуршат.
Бьют часы — с расстановкою — семь.
Потемнело. Пусто совсем.

— До свиданья. Пора домой,
В светлый дом, где пылают свечки,
Где томительно-звонкий покой
Перемешан с гитарной тоской,
Ну совсем как — подать рукой —
На цыганской, на Черной речке.

Софии Прегель

Человек человеку бревно,
Это Ремизов где-то давно
Написал. И как правильно это.
Равнодушье сживает со света
Одиноких и плачущих. Но
Для бродяги, глупца и поэта,
У которых мозги набекрень,
Одиночество — чушь, дребедень,
Трын-трава. Им участье смешно,
Им не надо привета-ответа.

Вот окончился каторжный день,
Не оставив и воспоминаний
По себе.
                    Серебристые лани,
Запряженные в лунные сани,
Под окном. Только где же окно?
Где окно и оконная штора?
Где же дверь? Так темно и черно,
Так черно, что не видно ни зги.

— Зазвени зга. Сиянье зажги!
Озари эту темь-черноту,
Искрометно звеня на лету,
Молньеносно метнись в высоту
И обрушься пожаром на дом,
Огнедышащим дымным столбом,
Красным ужасом, черным стыдом
Справедливейшего приговора.

... Так погибли когда-то Содом
                    И Гоморра.

М. Крузенштерн

Скользит слеза из-под усталых век,
Звенят монеты на церковном блюде.
О чем бы ни молился человек,
Он непременно молится о чуде.

Чтоб дважды два вдруг оказалось пять,
И розами вдруг расцвела солома,
Чтобы к себе домой придти опять,
Хотя и нет ни у себя, ни дома.

Чтоб из-под холмика с могильною травой
Ты вышел вдруг веселый и живой.

Георгию Адамовичу

Верной дружбе глубокий поклон.
    Ожиданье. Вокзал. Тулон.

Вот мы встретились. Здравствуйте. Здрасьте!
Эта встреча похожа на счастье,
На левкои в чужом окне,
На звезду, утонувшую в море,
На звезду на песчаном дне.
— Но постойте. А как же горе?
Как же горе, что дома ждет?
Как беда, что в неравном споре
Победит и с ума сведет?

Это пауза, это антракт,
Оттого-то и бьется так,
Всем надеждам несбывшимся в такт,
Неразумное сердце мое.
Полуявь. Полузабытье.

Как вы молоды! Может ли быть,
Чтобы старость играла в прятки,
Налагала любовно заплатки
На тоски и усталости складки,
На бессонных ночей отпечатки,
Будто не было их.
                    Не видны.
И не видно совсем седины
В шелковисто-прямых волосах.

Удивленье похоже на страх.
Как же так? Через столько лет...
Значит правда — времени нет,
И уводит девический след
Башмачков остроносых назад,
Прямо в прошлое — в Летний сад.

По аллее мы с вами идем,
По аллее Летнего сада.
Ничего мне другого не надо.

Дом Искусств. Литераторов Дом.
Девятнадцать жасминовых лет.
Гордость студии Гумилева,
Николая Степановича...
  — Но постойте, постойте. Нет,
  Это кажется так, сгоряча.
  Это выдумка. Это бред.

Мы не в Летнем саду. Мы в Тулоне,
Мы стоим на тютчевском склоне,
Мы на тютчевской очереди
Роковой — никого впереди.

Осторожно из-за угла
Наплывает лунная мгла.
Ничего уже не случится.
Жизнь прошла. Безвозвратно прошла.
Жизнь прошла. А молодость длится.
  Ваша молодость.
    И моя.

Разностопные ямбы

Лазурный берег, берег Ниццы.
Чужая жизнь. Чужие лица.
Я сплю.
  Мне это только снится.
До смерти так недалеко.
  Рукой
      Подать.

Я погружаюсь глубоко —
С какой сознательной тоской —
В чудовищную благодать
Дурного сна.
Его бессмысленность ясна:

На койке городской больницы
Страдания апофеоз
И унижения.
Но розы, розы, сколько роз
И яркий голос соловья
Для вдохновения
Во сне.

Я сплю — все это снится мне,
Все это только скверный сон,
Я сознаю, что я — не я,
Я даже не «она», а «он» —
И до чего мой сон нелеп.
О, лучше б я оглох, ослеп,
Я — нищий русский эмигрант.
Из памяти всплывает Дант.
«Круты ступени, горек хлеб
Изгнания...»
Так! Правильно!
Но о моей беде,
О пытке на больничной койке
Дант не упомянул нигде:
Такого наказания
Нет даже в дантовском Аду.

... Звезда поет. Звезда зовет звезду.
«Вот счастие мое на тройке...»
Ни тройки, ни кабацкой стойки,
Ни прочей соловьиной лжи.
Ты пригвожден к больничной койке,
Так и лежи!

А рядом енчит старичок.
В загробность роковой скачок
Ему дается тяжело.
Ничто ему не помогло,
Проиграна его игра,
И он уже идет ко дну,
Крестом и розою увенчан.
И значит стало на одну
Жизнь опозоренную меньше.
Пора о ней забыть. Пора!
Как далеко до завтра... До вчера...

Таинственно белеют койки,
Как будто окна на Неву.
Мне странно, что такой я стойкий
И странно мне,
Что я еще живу,
И что не я, а старичок
В бессмертье совершил скачок
В нелепом сне.

Я не могу простить себе —
Хотя другим я все простила —
Что в гибельной твоей судьбе
Я ничего не изменила,
Ничем тебе не помогла,
От смерти не уберегла.
Все, что твоя душа просила,
Все то, что здесь она любила...
Я не сумела. Не смогла.

Как мало на земле тепла,
Как много холода — и зла!

Мне умирать, как будто, рано,
Хотя и жить не для чего.
Не для чего. Не для кого.
Вокруг — безбрежность океана
Отчаяния моего —
Отчаяния торжество.

И слезы — не вода и соль,
А вдовьи слезы — кровь и боль.

Мне очень страшно быть одной,
Еще страшнее быть с другими —
В круговращенье чепухи —
Страшнее. И невыносимей.

В прозрачной тишине ночной
Звенят чуть слышно те стихи,
Что ты пред смертью диктовал.
Отчаянья девятый вал.
Тьма.
        И в беспамятство провал.

Последнее траурное новоселье.
Мне хочется музыки, света, тепла,
И чтоб отражали кругом зеркала
Чужое веселье.
И в вазе хрустальной надежда цвела
Бессмертною розой, как прежде.

Смешно о веселье.
          Грешно о надежде.
В холодной, пустой, богадельческой келье
Сварливая, старческая тишина
И нет ни покоя, ни сна,
И тянет тоскою из щелей окна,
Из сада, где дождь и промозглая слякоть.

Не надо, не надо!
          Прошу вас не плакать.

Все чисто для чистого взора.

Н. Гумилев

Ни спора с судьбой. Ни укора.
Жара и усталость. Бреду
Одна вдоль чужого забора,
Одна, как повсюду на свете.

Закатные розы в саду,
На небе закатная роза
И те огорченья и эти
В победно-лучистом свете
Заката Апофеоза.

А ветер в асфальтном чаду
Вздыхает облаком сора:
— Все чисто для чистого взора
В земном и небесном аду.

Мы играем не для денег,
А чтоб время провести.

А. Пушкин

Все было, было, бы... Лото под лампой,
Старушки богаделки, старцы богадельцы —
От жизни старостью, как театральной рампой.
Вечернее лото — приятнейшее дельце
Пред тем как спать идти, с восьми до десяти.
Ведь «не для денег, а чтоб время провести»,
Как черти в дурачки у Пушкина играли.

Телевизьон трещит в полубезлюдном зале.
Я в комнате своей у лунного окна.
Дверь заперта на ключ. Одна, всегда одна
С тех пор, как умер ты — одна на целом свете.

Пора казалось бы и мне ожесточиться,
Стать язвой-сплетницей, подслеповатой, злой,
Лихой лотошницей, как богаделки эти.

Луна сквозь облаков полупрозрачный слой,
Как там, как над Невой, прелестно серебрится.
— Луна, далекий друг, сестра моя луна...

... Не то, что молодость спешит, летит стрелой
И падает стремглав подстреленною птицей,
А то, что молодость так бесконечно длится,
Когда давно она мне больше не нужна.

Неправда, неправда, что прошлое мило.
Оно как открытая жадно могила —
Мне страшно в него заглянуть.
— Забудем, забудьте, забудь!..

По синим волнам океанится парус,
Налейте вина и возьмите гитару,
Давайте о завтра мечтать.

Чтоб завтра казалось еще неизвестней,
Еще невозможней, тревожней, прелестней,
Чтоб завтра не стоило ждать.

О, спойте скорей «Лебединую песню»
И «Белой акации»
И «В том саду»,
Хоть встретились мы не в саду, а в аду,
В аду эмиграции.

А парус белеет навек одинокий,
Скользя по волнам в байроническом сплине,
В пучине стихов, от шампанского синей.

И вот наконец приближаются сроки
И час расставанья рассветно-жестокий,
— Прощайте, прощайте, пора!

Прощайте, желаю Вам счастья!
Но разве так поздно? Нет, здравствуйте,
здрасьте!
Уже не сегодня, еще не вчера,
Еще далеко до утра! —

И значит, игра
Продолжается.

Юрию Терапиано

Банальнее банального,
Печальнее печального
Сознанье — жизнь прошла.

Ну что ж? Поговорим
О подвигах, о славе —
Троя, Рим.

Вот дни мои и все мои дела.
Как мало доброго. Как много зла.
Не то я делала, не так жила,
И ясно, что я лучше быть могла.

От одиночества и от усталости
Прилив горячей нежной жалости
К себе и прочим тварям на земле,
Как уголек, краснеющий в золе.

Печаль, похожая на вдохновенье,
И драгоценно каждое мгновенье,
Когда уже отсчитаны они —
На счетах звонких и магических —
Мои пустынные, торжественные дни.

Но раз в стихах лирических
Нельзя без точки зрения
И собственного мнения,
Я признаюсь — банальнее банального,
Сусальнее сусального
Мне кажется высокий этот тон
Раскаяния, просветленья
И старческого всепрощенья
    Предпохоронный звон,
    Полупоследний стон,
    Благословляющее — «Ах!»

Нет, старость мудрая, прости,
С тобою мне не по пути
Ни в жизни ни в стихах
До самой смерти.

Ночь без сна

Ледяная луна в ледяной высоте
Озаряет озябшие вязы и клены,
И на снежной поляне четыре вороны,
Как чернильные пятна на белом листе.

Почему их четыре? Не три и не пять?
Почему мне опять ничего не понять?
Почему все меня до смешного тревожит
И ничто на земле успокоить не может?

Если б было ворон или пять или три,
Треугольник или пентагон
Без затей и затрат
Преудобно улегся бы в сон.
Но четыре вороны — вороний квадрат —
Никуда не уляжется он.

В черной душной ночи горят фонари,
Далеко до луны, далеко до зари,
Невозможно уснуть и немыслимо спать,
Оттого что ворон-то четыре,
А не три и не пять.

И кругами, кругами все шире и шире
Наплывает тоска обреченности.

Я говорю слова простые эти,
Сгорая откровенностью дотла:
Мне кажется, нельзя на свете
Счастливей быть, чем я была.

Весельем и волненьем ожиданья
Светился каждый новый день и час
Без сожалений, без воспоминаний,
    Без лишних фраз
    И без прикрас,
Все было для меня всегда как в первый раз.

    Всегда ждала я торжества и чуда,
    Волхвов,
            Даров,
                    Двугорбого верблюда,
Луны, положенной на золотое блюдо
И, главное, читательской любви.

СОДЕРЖАНИЕ

IMP. BÉRESNIAK - PARIS

Склад издания: ДОМ КНИГИ, 9, rue de l'Eperon, Paris-6ᵉ